

Резюме
Круглого стола «Экспертиза»
«Возможны ли альтернативы
обществу потребления в России?»

9 июня 2016 года

Участники: **Петр Бизюков** («Центр социально-трудовых прав»), **Артур Валиев**(Сколково), **Евгений Гонтмахер** (Институт мировой экономики и международных отношений РАН), **Андрей Захаров** (журнал «Неприкосновенный запас»), **Ольга Здравомыслова** (Горбачев-Фонд), **Ольга Исупова**(Институт демографии НИУ ВШЭ), **Григорий Кертман** (Фонд Общественное мнение), **Владимир Кржевов**(Философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова), **Юрий Павленко** (Институт экономики РАН), **Владимир Римский** (Фонд ИНДЕМ), **Андрей Рябов** (ИМЭМО РАН), **Екатерина Шульман** (РАНХиГС).

Постановка этой темы на обсуждение была обусловлена усилившимися в последние годы в общественных и политических кругах настроениями в пользу создания в России общества, которое строилось бы не на современной экономике потребления, а на неких специфических национальных ценностях, особом духовном укладе, предопределяющих специфику социально-экономического и политического развития страны. Подобные настроения подкрепляются законодательными инициативами и действиями исполнительной власти, направленными на возрождение отживших и устаревших форм социальной организации, традиционалистских моделей поведения и традиционной культуры. Насколько реалистичны подобные устремления в условиях принявшего затяжной характер экономического кризиса, который постепенно приходит к сжатию потребления, - связанные с этой проблематикой вопросы и были в центре внимания очередного Круглого стола «Экспертиза».

Участники обсуждения исходили из общего понимания, что массовое потребление товаров и услуг является драйвером развития современной рыночной экономики. Однако их мнения в отношении того, в какой мере можно говорить о формировании общества потребления (*consumer society*) в нынешней России, разошлись.

Согласно одной точке зрения, общество потребления только начало складываться в России в годы экономического роста, который происходил в первом десятилетии XXI века. В это время в стране стал формироваться средний класс, который по своему образу жизни и ценностным установкам был близок среднему классу развитых стран Запада. Но он оказался малочисленным (не более 20% населения по самым оптимистическим оценкам). За короткий период экономического бума общество потребления в России не успело сформироваться и приобрести устойчивость. Поэтому снижение уровня жизни оно встретило «как данность», и не восприняло происходящие перемены как отклонение от образа и стиля жизни, ставшего нормой. Тем не менее под влиянием экономического кризиса это «протопотребительское» общество стало деградировать и разрушаться. Население начало переходить на «экономичные», но более примитивные модели потребления. Один из вероятных результатов этого состоит в следующем: поскольку стране придется в течение длительного периода жить в условиях отсутствия экономического роста, постепенно будут приходить в упадок важнейшие институты экономики потребления, ее «реперные точки» – торговые центры и интернет-торговля. В конечном счете, «общество потребления» сосредоточится в узком сегменте небольших привилегированных социальных групп, живущих в основном в городах-мегаполисах. Остальные группы населения будут с разной степенью успешности

адаптироваться к реалиям так и не сложившегося социально-экономического порядка. На этой основе возникнет своеобразная «многоукладность» образов жизни, а разные группы, существующие в этих укладах, начнут «капсулироваться», взаимодействие между ними будет ослабевать. Но это не станет возвратом к традиционному обществу.. В политическом плане подобное общество тяготеет к простым, радикальным решениям и потому рискует оказаться под сильным влиянием политиков-популистов.

Согласно другой точке зрения, общество потребления в современной России существует, оно начало формироваться задолго до рыночных реформ, еще в советскую эпоху, во времена Н.С. Хрущева. Эта позиция обосновывается тем, что общество потребления характеризуется не только количественными параметрами непосредственно потребления, а, прежде всего, определенной системой ценностей, структурными особенностями и институтами. Нынешнее сокращение потребления под влиянием экономического кризиса не ведет к качественным изменениям этих ценностных и структурно-институциональных характеристик. В условиях сжатия потребительских возможностей для большинства населения происходит лишь корректировка приоритетов потребления, его формы, да и сами институты, становятся более «бюджетными».

В этом контексте **вызвал дискуссию вопрос о часто употребляемом сейчас термине «архаизация».** Его использование в публичной полемике связано с призывами создать в России социальный порядок, альтернативный современному обществу потребления. Участники «круглого стола» однозначно оценили архаизацию как проявление кризиса модернизации, который переживает Россия. При этом в трактовках архаизации выявились разночтения. Ее интерпретировали как (1) возвращение к традиционализму и попытку возродить отжившие формы социальной организации; (2) упрощение; примитивизацию социальной жизни, де-модернизацию (3) процесс распада социальных связей. При этом отмечалось, что архаика – это не только альтернатива развитым обществам потребления. Она интегрирована в них, например, в рекламе, которая, будучи ориентированной на расширение потребления, зачастую агрессивно апеллирует к архаичным пластам массового сознания.

Участники «круглого стола» были единодушны в том, что осуществление в России консервативной утопии, основанной на традиционных или давно ушедших в историю формах социальной организации, не представляется возможным. Как невозможно в современных городских условиях восстановить прежнюю многопоколенную семью, живущую под одной крышей, или направить большую часть населения в сельскую местность, чтобы вести натуральное хозяйство, или регулировать все многообразие общественных отношений с помощью традиционных и религиозных норм. Само же появление в современной России консервативно-традиционалистских идей переустройства общества обусловлено политическими причинами, курсом на конфронтацию с Западом, который на заре рыночных реформ рассматривался единственным образцом для подражания. Антизападная риторика стремится опереться на «национальные» политические и культурные традиции, связывая их исключительно с анти-индивидуализмом, подчинением гражданина государству как высшему авторитету и консолидацией вокруг власти как единственно возможной модели политического поведения. Что касается реального общества, оно, как показывают социологические опросы и наблюдения, отнюдь не стремится вернуться к архаичным формам социального бытия.

В то же время в обсуждении **была высказана позиция, что российское общество в основе своей остается немодернизированным.** Поэтому раздающиеся с экрана телевизора негативные и высокомерные оценки «другого», «не нашего», призывы к жесткому отрицанию «чужого», воспринимаются как снятие запретов, как возможность говорить то, что «есть на самом деле», отбросив политическую и этическую

корректность, как «ложь Запада». Этот феномен последних лет можно рассматривать не в терминологии «архаизации», а как процесс разрушения культуры.

Признавая невозможность осуществления консервативно-традиционалистской утопии в современной России, участники Круглого стола высказывали разные мнения относительно того, **что может быть альтернативой обществу потребления.**

Одна из представленных позиций состояла в том, что альтернативой обществу потребления, теоретически, может быть только мобилизационное общество с тоталитарным или жестко авторитарным политическим режимом, для которого характерна готовность граждан жертвовать собой, своими личными интересами ради общенациональной цели. Другой теоретической альтернативой обществу потребления, выступает феодальное, нефеодальное теократическое общество с жестким регулированием частной жизни, включая индивидуальное потребление. Однако все имеющиеся социологические исследования показывают, что у подавляющего большинства россиян сформировались сугубо индивидуалистические и потребительские ценности, и они вряд ли готовы жертвовать своими личными интересами и принимать государственное регулирование частной жизни и потребления. Современные российские граждане отвыкли от этого еще со времен позднего СССР. Нельзя учитывать, что именно неприятие населением убогих потребительских стандартов стало одной из причин краха советской системы.

Еще одна точка зрения на возможные альтернативы обществу потребления связана с описанной выше моделью «сообщества «капсулированных» обществ» - с многообразием социально-экономических укладов, образов жизни и типов потребительского поведения. В отличие от «мобилизационной» и «нефеодальной» моделей, ее воплощение на практике выглядит вполне реалистичным.

Что касается возможностей распространения культуры, ориентированной на постматериалистические ценности (ценности самовыражения в отличие от ценностей выживания), то, по мнению большинства участников Круглого стола, эта перспектива реалистична, прежде всего, для богатых демократических обществ Запада. В этих обществах, где первичные потребности человека удовлетворены, часть граждан идет на сознательное самоограничение своих материальных потребностей. Она отказывается от дорогой брендовой одежды, покупки личных автомашин, иных дорогих покупок в пользу ценностей свободного времени, необходимого для самореализации, не связанной с получением каких-либо материальных выгод и преимуществ. Поскольку развитие современных технологий будет и дальше вести к сокращению занятости в развитых странах, тема перехода к модели поведения, ориентированной на постматериалистические ценности станет приобретать возрастающую актуальность. В некоторых странах Запада уже начались поиски соответствующих социально-экономических решений, которые могли бы обеспечить функционирование подобных моделей. Достаточно вспомнить так называемый «безусловный доход» для всех граждан, который был введен в голландском городе Утрехт и всерьез обсуждался на общенациональном уровне в Финляндии и Швейцарии. Но это - повестка дня для развитых стран. В России, где насыщения первичных потребностей на массовом уровне еще не произошло, переход к поведению, ориентированному на постматериалистические ценности в обозримом будущем вряд ли может затронуть сколько-нибудь значительные группы населения. Впрочем, по мнению некоторых участников Круглого стола, ростки культуры, альтернативной той, что базируется на ценностях консьюмеризма, уже сегодня можно заметить в России в деятельности отдельных социальных институтов, в частности, профсоюзов. Так, они организуют различные досуговые мероприятия по интересам работников, которые самими их участниками расцениваются в качестве альтернативы

поведению, нацеленному лишь на увеличение доходов и расширение возможностей личного потребления.

В целом, дискуссионный характер обсуждения данной проблематики на Круглом столе «Экспертиза» показал, что она является малоизученной и потому вызывает широкий спектр мнений и оценок. Дальнейшие исследования, по-видимому, помогут формированию более структурированных представлений о перспективах общества потребления в России и возможных альтернативах ему.